

«УПОЕНИЕ В БОЮ?»

В СИЛУ профессиональной принадлежности к сценическому искусству люблю повторять шекспировскую фразу: «Мир — театр, и люди в нем актеры». Наш грандиозный театр жизни, где есть и злодеи (они, как правило, в тени), и герои (они, как всегда, страдают и мучаются), неизбежно проектируется и на театральную сцену. Вот нам часто задают вопросы: почему на подмостках нашего Театра имени Ленсовета мы не избираем перестройку, ее конкретные проблемы? Знаете, это мы уже проходили. Мы ставили уже, к примеру, «Человека со стороны» И. Дворецкого — по существу, пьесу о перестройке, когда ее еще не было. Но спектакль именно к ней и звал. Сегодня же звать к перестройке, гласности или демократии, полагаю, бессмысленно. Мы уже втянуты в этот процесс. Другое дело — его надо защищать. Но как?

Ниче, мне кажется, театру нужна определенная переориентация. Мы должны обратиться к человеку — к его душе, к его нравственности, но уже в новых для него обстоятельствах. Ситуация сегодня такова, что многое, относящееся к сфере нравственности, становится дефицитом и, как следствие, — предметом коммерции. Простые и естественные чувства подвергаются инфляции. И вот тут-то театр и должен достучаться до сердец человеческих, служить утверждению, возвышению добра и любви.

Меня страшно удивляет и даже пугает то количество раздражения, обиды, неприкрытой злобы, которые мы ежедневно выплескиваем друг на друга. Да, жизнь пока легче не становится. Но значит ли это, что надо немедленно вооружаться бранным словом, а иногда и вполне реальной дубиной, и за каждым углом искать врага. Врага в обличье кооператора, то человека другой национальности, а теперь, с введением визитных карточек на покупки, врагом становится и человек с иной, чем у меня, пропиской. Несколькими годами назад драматург и мудрец Виктор Сергеевич Розов сказал, какой зловещий смысл может обнаружиться в знаменитых строках «есть упоение в бою...». Трагические события последних месяцев показали, к каким ужасным итогам приводит такое упоение. И поэтому сегодня для нашей интеллигенции, для каждого культурного человека нетобязанности ответственнее, чем, как говорили в старину, смягчать нравы. Только это, убежден, способно удержать страну на краю бездны, роковое дыхание которой мы все ощущаем. И я не нахожу оправдания людям, то ли из корыстных побуждений, то ли даже вполне искренне разжигающим и без того до предела накаленные страсти. Я убежден, что сегодня театр и культура в целом — тоже политика, ибо наше общее спасение только в том, чтобы политика стала родом эстетики, гармо-

нии, а не насилия, как мы привыкли, и диктата.

Не дай Бог, если прольется кровь. Тогда грош цена всем нашим разговорам о гуманизме, демократии, многопартийности, всему, что мы связываем с перестройкой. Ведь еще никому не удалось оспорить истину о невозможности рая, построенного хотя бы на одной слезе ребенка. Я сгущаю краски? Хорошо, если так. Но честно говоря, повода для прекраснотуши сегодня не вижу. И никакие пленумы, съезды, сессии, конференции не помогут (хотя они необходимы), если мы сами не пройдем путь к цивилизованному человечеству.

Мы часто говорим (да и раньше говорили не меньше) о культуре, и до того убавляли себя сказками о «самом образованном», «самом читающем», «самом воспитанном» народе, что, кажется, и сами в это поверили. И ведь в пору ужаснуться, до какого дикого, пещерного бескультурья дошли не отдельные «нетипичные» члены общества, а его подавляющая часть. Особенно тягостно смотреть на детей. На многих лицах не просто отсутствие мысли, жиаого интереса, так свойственного молодости, а какое-то, страшно подумать, генетическое вырождение. Страшно? И мне страшно. Но рискую говорить об этом, потому что, боюсь, завтра станет еще страшнее. И никакие экономические реформы не способны возродить духовное здоровье нации.

Недавно я зашел в овощной магазин, который начал торговать, как гордо было написано на витрине, по самым передовым и прогрессивным нормам и правилам. Но — хамство, полная безнаказанность продавцов и беззащитность покупателей были те же, что и раньше. И другое воспоминание — Польша. Иду в гости. В парадном самого обыкновенного дома на окнах — цветы, ажурные занавески. И никакие запорных устройств. Зачем я поставил рядом эти два таких, в сущности, простых примера? А просто на их примере я прихожу к выводу, что подлинная экономическая реформа для Польши — реальность, а для нас большой вопрос. Ибо, кажется мне, хоть может быть, и наперекор классикам, не экономика формирует нравственность и культуру, а наоборот! И пока мы не найдем в себе мужества признать это — толку не будет. Во всем мире признано не просто благородным, но и выгодным вкладывать деньги в культуру. Везде, кроме нашей страны. Расхожее мнение, что сначала надо накормить людей, а потом думать о культуре, — опасное заблуждение. А может, просто кому-то, кто решает за всех нас, выгодно, чтобы люди оставались столь грубы и душевно неразвиты.

Впрочем, я не хочу никого обвинять. Я говорю о трагедии народа, о его беде. Что меня поражает больше всего в заседаниях Верховного Совета, до-

торые каждый вечер собирают у экранов полстакты, являясь по сути моделью отношений людей в нашем обществе? Не просто неумение, а демонстративное нежелание слушать друг друга, отсутствие малейших попыток обуздать нервы, постоянное состояние конфронтации зала и президиума, а совет А. И. Лукьянова депутату Ю. Ю. Болдыреву прибегать к красноречию для Ленсовета на одном из последних заседаний поверг меня просто в изумление своей неприкрытой грубостью.

Сейчас центр моего внимания переместился к заседаниям вновь избранных депутатов Ленинграда. Сложный, мучительный путь политической борьбы предстоит пройти им. (А уже сейчас ясно, что лозунг «Вся власть Советам» центр, выдвинувший его на заре перестройки, считал очередной красивой фразой и делиться властью ни с кем не собирается.) Так вот на этом пути обретения подлинной власти я желаю новому Ленинградскому Совету, во-первых, успеха, а во-вторых, в каждом решении, поступке, фразе оставаться верными истории нашего уникального города, его исконной интеллигентности.

Вот слово и сказано. Интеллигент. Долгие годы в народе культивировалось чувство подозрительности, недоверия к «человеку в шляпе». Полноценным считался лишь человек с серпом и молотом в руках. Сегодня мы пожинаем плоды такого отношения. Я убежден, что наше будущее зависит от участия в общественных процессах интеллигенции, истинное предназначение которой — сохранение, развитие и приумножение культурной среды обитания человека. Иначе лучшим случае — тутик, в худшем — пропасть.

Теперь о театре. Я никогда не был убежден, что задача театра — отражать жизнь. Сегодня сомневаюсь в этом особенно. Искусство, думаю, мне, должно лечить общество теми витаминами, которых в данный момент обществу не хватает. В наше изнервленное, опасное время, когда количество тоски в обществе увеличивается с каждым днем, поистине драгоценным стал витамин радости, надежды, витамин истинных человеческих чувств.

Вот мы сейчас играем, казалось бы, неприязнительную вещь — «Любовь до гроба» Альдо Николан. Обычный любовный треугольник, смешные и вместе с тем парадоксальные ситуации. Но люди приходят на спектакль не просто отдохнуть. Мужчины вспоминают, что у них есть жены, которых они недостаточно любят. Женщины — о своих мужьях, иногда изнемогающих под бременем женской любви. Любопытно, что именно эту пьесу меня пригласили поставить в одном из театров Нью-Йорка. А почему? Потому что мир истосковался по чистоте душевной, по настоящим неподдельным

чувствам, по искренности человеческих отношений.

Мы ставим спектакль по «Лолите» Владимира Набокова. Для нас эта вещь — мечта о несбывшейся чистой любви. Пьесу по роману написал американский драматург Эдвард Олби — суровый реалист.

Говорят, мир уцелел, потому что смеялся. Думаю, еще и потому, что надеялся. Театр, в котором я работаю тридцать лет, надеюсь, еще обрадует зрителя новыми интересными работами. В наших планах — спектакли по пьесам Оскара Уайльда «Кентервильское привидение», по психологически уточенный пьесе ленинградского драматурга В. Арно «Трагедии и комедии».

Но все эти планы могут захдохнуть в железных объятиях навязанного нам хозрасчета, который ставит театр в один ряд с заводом или стройкой. Преступно требовать от театра коммерческую прибыль. Во все времена он жил благодаря меценатам — короля или государства. Сегодня все цивилизованные страны, кроме нашей, считают финансирование культуры, кроме всего прочего, наиболее выгодным вложением капитала. Стараясь заработать деньгами любой ценой (жить-то надо!), выпускает спектакли «цено-о подешевле», театр теряет самое главное — чувство собственного достоинства, теряет ауру исключительности, которая всегда окружала сцену.

Но сегодня я не хотел бы и далее расширять список наших претензий. Может быть, самые главные претензии мы должны сегодня обратить к самим себе. Мне недавно рассказали, что финны, ремонтирующие «Метрополь», искали ночного сторожа, который должен был не только не спать, но и три раза за ночь обойти стройку и нажать какие-то кнопки. И получить за это 400 рублей. Так вот, все наши отказались. Лучше спать за 170 рублей и ничего не делать, чем работать за 400. Если это и анекдот, то очень похожий на правду. Так долго нас отучали нормально работать, так бесконечно мы все обленелись, что именно в этом я вижу сегодня наш главный тормоз.

Какой же я вижу выход? Мы все должны перестать быть героями театра абсурда (и нравственного, и экономического, и политического) и срочно возводить здание театра здорового смысла, театра нормы, не боясь взять за образец опыт других, перестав пугать друг друга призраками идеологических догм, поняв раз и навсегда, что если есть дом, то в нем должен быть хозяин, что душа должна стремиться к гармонии и что на этом свете восторжествует жизнь не дано прожить никому.

И. ВЛАДИМИРОВ,
художественный руководитель
Академического
театра имени Ленсовета,
народный артист СССР